

HÜQUQ

УДК 34:349.2

РЕДУКЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА ДО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Л.Ш.АЛИЕВА

Бакинский государственный университет
aliyeva.leyla@hotmail.com

В данной статье рассматриваются основные вопросы теории естественного права. Естественный закон относится к набору моральных принципов, которые, как считается, присущи человеческой природе и Вселенной. Эти принципы считаются универсальными и применимы ко всем людям независимо от их культуры, религии или национальности. Естественное право имеет долгую и богатую историю, восходящую к Древней Греции. Очерки по естественному праву помогают исследовать и понять, как эта концепция развивалась с течением времени, ее значение в разных культурах и ее актуальность в наше время. Естественное право является фундаментальной концепцией философии. Данная статья исследует философские основы естественного права, его связь с другими философскими концепциями и то, как оно влияет на современный философский дискурс.

Ключевые слова: естественное право, позитивное право, закон, норма права, человеческая природа, мораль, справедливость, естественный закон, божественный закон

ВВЕДЕНИЕ. Вопросы нормативности права, то есть того, как закон соотносится с мета-правовым стандартом, выходят за рамки проекта позитивиста, и парадоксальное свидетельство этому сама Grundnorm Ганса Кельзена, отца сегодняшней системы конституционных судов. Для позитивной теории права не может быть никаких независимых метаэтических истин, поддерживающих здание нормативной этики по существу. Заблуждался Тома Аквинат, утверждая *lex injustia non est lex*. Глубоко ошибался Уильям из Оккама, который говорил, что «[н]е может быть закона, который открыто противоречил бы высшему закону или разуму, и, следовательно, любой гражданский закон, который противоречит высшему закону или очевидному разуму, не является законом, и в то же время таким образом, тезисы канонического или гражд-

данского права, если они противоречат божественному закону, то есть Священному Писанию, или очевидному разуму, не должны соблюдаться». [1] Возможно, Бог мог от вечности желать своего рода подробного расписания, в соответствии с которым моральные законы будут приостановлены или даже изменены в различные дни, точно так же (согласно христианам) он исполнил Своё желание, чтобы религиозный закон, открытый Моисею, прекратил свое действие со времён Христа; Бог не меняет своей воли, но, возможно, он всегда желал, чтобы в определённые моменты нравственный закон изменялся. Итак, завтра или послезавтра можно будет обнаружить, что убийство, воровство, торговля наркотиками, нарушение договоров, ложь в суде и т. д. не запрещены, а могут быть даже обязательными. По сути империалистическая экспансия сциентизма в право, призванное регулировать человеческое поведение, не поддающееся математическому анализу, привело к тому, что право, похоже, наконец стало жертвой того, что выдающийся социолог Макс Вебер, один из соавторов немецкой Веймарской Конституции, в начале прошлого века охарактеризовал как «прогрессивное разложение и релятивизацию всех мета-правовых аксиом» – разрушение, являющееся результатом частично «самого правового рационализма» и частично «скептицизма, который характеризует современную интеллектуальную жизнь в целом». Сегодняшний закон, писал Вебер, «...слишком ошутимо (в подавляющем большинстве его определений, и особенно во многих, которые особенно важны с точки зрения принципа) раскрывается как продукт и техническое средство компромисса интересов» [2], так что он больше не может претендовать на ту ауру легитимности, которой естественное право наделяло великие правовые системы прошлого.

Но практически каждый хочет оценить закон, включая конституцию, с какой-то более фундаментальной точки зрения или предшествующей предпосылки.

В настоящее время нерешённый и часто не сформулированный вопрос заключается в том, по каким предшествующим предпосылкам следует судить о законе. Ссылаясь на решение Верховного Суда США по делу *Planned Parenthood vs. Casey*

Рассел Хитингер описывает господствующую в настоящее время парадигму как максимальную индивидуальную автономию: «Суд в деле Кейси вкладывает позитивный закон в принципы естественного права. Отсутствие законодательного регулирования устанавливается правом индивидуума на саморегулирование». (Hittinger, R., 2003, p. xxxii)

Вечный естественный закон становится «временным», временное становится светским, а светское становится сферой, в которой человеческие акторы пользуются иммунитетом от любых законов, кроме тех, которые они сами себе навязывают. Естественный закон больше не «закон», а источник личного иммунитета против правового порядка, ибо объективное естественное право стало субъективными правами человека, который обрёл на них право собственности через сотворение их для самого себя. И «[з]адача... состоит в том, чтобы исследовать последствия предположения, что человек является рациональным максимизатором своих целей в жизни, его удовлетворение того, что мы назовем «собственным интересом»» [3]. И человек есть существо, обладающее правами, и это самоопределение, как считают, к счастью, заменило другие определения и точки зрения, такие как то, что человек – это божье творение или что человек – это политическое животное.

Для Поля Зигмунда разрыв между средневековым естественным правом и современной теорией естественных прав кажется совершенно незначительным [4] окончательный. Для философа, как было показано, начиная с XVII в. и начиная с отдельного человека, «права» были первичными и абсолютными, а все обязанности выводились из прав как коррелятов. Для классической и теистической школ права обязанность или долг являются основными, и отсюда вытекает право. Моральная природа человека налагает на него долг «искать добро» или развивать свое собственное существо; следовательно, он имеет право на средства, необходимые для выполнения своего долга, и коррелят этого права включает обязанности других. Например, именно потому, что у человека есть обязанность создать семью, он имеет право на необходимые для этого средства, такие как частная собственность, и что другие обязаны разрешать ему иметь эти необходимые средства. Эти права, вытекающие из неизменной природы человека, неотчуждаемы и неизменны, но, поскольку они не предшествуют долгу, они не безграничны по объему. Это означает, что их осуществление подлежит ограничению для общего блага и что они могут исторически развиваться по мере изменения условий и обстоятельств.

Теория общественного договора, на которой позже остановимся более подробно, сформулированная английскими философами Томасом Гоббсом и Джоном Локком и адаптированная Томазиусом и Кристианом Вольфом, представляет собой еще одну прямую атаку на естественное право. Здесь предполагалось, что человек вошёл в общество из менее организованной формы существования посредством договора, так что все права, которыми он пользовался в сообществе, были либо переданы из его до-коллективной жизни, либо содержались в услови-

ях, на которые он согласился. Люди могли осознать свои права только путём ссылки на первобытное «естественное состояние» вне контекста человеческой деятельности, а не как социальную и историческую реальность. Рационалисты далее утверждали, что более конкретные предписания можно вывести, рассуждая из этих основных принципов.

В руках Локка этот аргумент имел ещё одно последствие, заключающееся в том, что, рассуждая из основных рациональных принципов, можно было вывести набор естественных прав человека. Он суммировал их как «права на жизнь, свободу и имущество», все они были разновидностями «собственности» в том широком смысле, который Локк придал этому термину. Как следствие, дети, согласно этой логике, поскольку они не имеют права собственности, вообще не имеют никаких прав. Согласно Локку, надлежащая функция человеческих законов и человеческих правительств заключалась в том, чтобы чётко провозгласить эти права и обеспечить их эффективную защиту. Необходимым следствием было то, что ни один акт человеческого законодательства не мог иметь силу закона, если он нарушал естественные права. В таком случае субъекты, права которых были нарушены, имели право на восстание. Это было злоупотребление властью. [5] Позднесредневековый западноевропейский феодальный «мир подчинённости» перешёл от чисто религиозной теории сопротивления к подлинно политической теории революции, основанной на идее контракта, который даёт моральное право (а не просто религиозный долг) сопротивляться любому правителю, который не выполняет свое соответствующее обязательство добиваться обеспечения прав людей во всех его публичных действиях.

Для Гоббса и Локка общество больше не было «органическим» порядком, характеризваемым окончательной реализацией его сущности. Это была конструкция, искусственное тело, изготовленное по контракту – фундаментальный принцип этого нового буржуазного естественного закона в убеждении, что история и общество могут планироваться и формироваться субъектом. Попытка Локка сохранить внесоциальное измерение «естественного» человека с помощью прав человека обречена на провал с самого начала, а конструкции, которые он выводит исключительно из разума, постоянно подавляются социальной динамикой. Именно потому, что буржуазное естественное право твёрдо установило неотъемлемые права личности (права, которые, как считается, существуют за пределами любого социального определения), оно подготовило почву для своего собственного отрицания. Именно потому, что он провозгласил, что общество состоит из изолированных индивидов, буржуазный естественный закон положил начало той дина-

мике, которая в конце концов безжалостно принесла индивида в жертву абстрактной социальной структуре. Реальность буржуазного естественного права – это не личность с его правами, а наоборот, это общество, которое поставит человека перед своим барьером, и об этом много писали и продолжают писать.

Тем не менее, Локк, отец доктрины современных либеральных естественных прав в духе Декларации ООН 1948 г., известный критикой аристотелевской схоластики, не может дать этим естественным правам эссенциалистско-телеологическое обоснование и поэтому вынужден напрямую апеллировать к воле Бога. Локк утверждает, естественный закон не «насаждён природой всем людям». [6] Если бы он был имплантирован в человеке или был бы врожденно познаваемым, тогда естественный закон будет открыт для возражения, что он не может существовать, если он не будет общепризнан. Именно это возражение Локк выдвигает против доктрины врождённых моральных законов. Если есть врождённые законы природы, то они должны быть интуитивно известны всем. Если они известны всем, то они должны быть объектами всеобщего согласия. Локк отрицает, что законы природы или практические принципы самоочевидны, общеизвестны или единогласно согласованы, настаивая на том, что они известны только после должного использования разума и, следовательно, не являются врождёнными. Из утверждения, что закон открыт естественными способностями человека, не следует, что он известен всем, поскольку не все люди обязательно пользуются этими способностями.

Локк проводит аналогию с геометрией, говоря, что свойства фигур и чисел познаются всеми в свете природы, но из этого не следует, что каждый человек является геометром.

Для Локка моральные принципы не являются объектами всеобщего согласия, при этом они не известны интуитивно. Из этого он не заключает, что никаких моральных принципов, основанных на разуме, не существует, а только то, что такие принципы не являются «врождёнными». Если естественный закон является чем-то доступным для разума независимо от какого-либо знания о Боге, тогда как он известен как закон, то есть как авторитетная заповедь, которая обязывает совесть и санкционируется? Локк уточняет этот вопрос, следуя примеру Гоббса, утверждая, что не существует обязательного и безусловно желаемого, которое мы можем познать, кроме инстинкта или закона самосохранения. Этот закон является обязательным или, скорее, по своей сути действенным; он эффективен независимо от того, знаем мы это как закон или нет. Помимо этого фундаментального и неоспоримого блага, люди законно расходятся во мнениях о том, что они считают

благом для человека. Такие концепции различаются, потому что люди находят приятными и удовлетворяющими разные вещи.

Таким образом, Локк закладывает основу современного либерализма, отрицая, что какой-либо человек знает больше, чем другой, о человеческом благе: мы все равны в политически значимом аспекте, потому что никто не может претендовать на большее знание о человеческом благе, чем кто-либо другой. Следовательно, концепция закона и естественного закона меняется: она больше не направляет человека к какому-либо телосу или осуществлению человеческой природы или человеческого сообщества, потому что ни одно из них не является достоверно познаваемым. Позитивное право скорее должно быть нацелено на то, чтобы позволить людям в соответствии с их естественными правами следовать многим концепциям хорошей жизни. Если все концепции стремления к счастью относительно в том, что касается любого объективного определения, только общество, которое признаёт этот факт и основано на нём, является хорошим обществом. Хорошее общество будет таким, которое позволяет каждому гражданину выбирать свой собственный образ жизни, совместимый с тем, что другие делают то же самое.

Доктрины синдерезиса Тома Аквината и *lutf* аль-Джассаса отвергаются окончательно. Локку было необходимо отказаться от томистского взгляда на закон природы, потому что последний выводил закон природы из человеческих склонностей. Локк искал теорию, совместимую с падшей природой человека. Человек по своей природе склонен не к добру согласно разуму, а к добру и злу, понимаемыми как удовольствие и боль. Локк основывает свои немногочисленные законы природы на Боге и человеческом разуме, но не на человеческих склонностях. Таким образом, ему удаётся согласовать естественный закон с кальвинистско-пуританской верой в неисправимую падшую природу человека. Для Локка греховность человека не означает порочности разума, поскольку последний способен познать Бога и Его закон. Это означает, что рациональности и нравственной добродетели недостаточно, чтобы побудить людей к правильному действию. Джон Локк убедил следующее столетие, эпоху Просвещения, что человеческое понимание является единственной основой рационального, безоговорочно считая, что человек, который чувствует и думает, является единственной гарантией рациональности вселенной.

Рождение современного правового позитивизма, безусловно, во многом обязано отрицанию Дэвидом Юмом рационалистической теории и её логических следствий. Юм считал, что в эволюции человеческих сообществ естественно, что развиваются определённые конвен-

ции, законы и институты, охватывающие такие вопросы, как ограничение насилия, защита собственности и ограничения различных форм обмана и злоупотребления доверием; естественно, что появляются институты с функцией вынесения суждения о предполагаемых нарушениях этих основных требований к поведению. Принимая во внимание обстоятельства человеческого существования и фундаментальные черты человека, кажется оправданным поддерживать и развивать законы и институты, которые, таким образом, естественным образом были разработаны. У людей есть основания иметь и сохранять эти законы и институты. В обычном смысле слова «разумный» их разумно иметь. Однако, с другой стороны, как сказал Юм, хотя такие законы и институты разумны, хотя и люди разумны, чтобы их соблюдать и поддерживать, «человеческий разум» – это не способность, которая раскрывает их или устанавливает их «истину». Наше согласие с такими законами и институтами в конечном счете коренится в «страстях», как их называл Юм. Как он выразился, «хотя правила справедливости искусственны, они не произвольны» [7]. Согласно Юму, этот последний анализ представляет собой сложную и трудную задачу [8].

Таким образом, в своих простейших и наиболее радикальных формах правовой позитивизм проистекает из простой пары простых отрицаний: между моралью и позитивным правом существует не концептуальная, а случайная связь, и ни моральные принципы, ни позитивные законы не являются избавлением от разума. К этому добавляется утверждение: человеческие законы проистекают из человеческих социальных практик, являются их отражением и обеспечивают надлежащее поведение. Как следствие первоначальных отрицаний: они ограничены априорными рациональными требованиями. Реализация естественного права стала функцией разума человека, а не целью интегрированного общества. Требовался лишь еще один шаг, чтобы разрушить старую юриспруденцию, и апостолы Французской революции позаботились о его осуществлении. Связь между существующей и нормативной моралью, которую так тщательно соблюдали от греков до средневековья, была разорвана. Вместо того, чтобы различать тень универсальной истины даже в частном, революция представила интеллектуальную конструкцию, в соответствии с которой должна была быть изменена вся реальность. Естественное право больше не было одновременно имманентным и трансцендентным по отношению к миру, но выступало против него как упрек всем существующим условиям. Рационалисты предполагали универсальные и неизменные права для всех людей, часто противоречащие существующим социальным условиям.

Естественное право как право субъективное, не имеющее ничего

общего с объективным метаправом, стало модным среди профессоров юриспруденции прав человека, и это понятие появляется в «Энциклопедии прав человека» на тысяча девятьсот страницах, самом подробном из имеющихся справочников [9]. Светский, субъективный вариант политизированного «естественного права» определяется Майклом Игнатъеффым следующим образом: «Конституции не создают наши права, они признают и кодифицируют те, которые у нас уже есть и обеспечивают средства для их защиты. Мы уже обладаем нашими правами в двух смыслах: либо потому, что наши предки обеспечили их или потому, что они присущи самой мысли о том, что есть человек». И далее: «Такие неотъемлемые права будут включать в себя право не подвергаться пыткам, насилию, избиению, или страданию от голода. Эти неотъемлемые права мы теперь называем правами человека, и они имеют силу независимо от того, признаются ли в законодательстве нациигосударства. Таким образом, права человека могут быть нарушены, даже если не нарушается ни один государственный закон» [10]. Но эта «процедура» волей-неволей ставит под сомнение их «естественность» и вводит элемент человеческой субъективности – зачем законодательно закреплять, что солнце встает на востоке, если это объективный факт, не зависящий от человека?

Право на что-то – это право требовать, а требуют обычно то, что приносит выгоду, и вселенная атомизированных индивидов стремящихся получить выгоду каждый за счёт каждого до ужаса напоминает естественное состояние людей Гоббса до договора о слиянии в искусственном монстре-государстве, и Левиафан теперь символизирует интеграцию отдельных индивидуумов в единую систему, которая сама состоит из мини-левиафанов – самодостаточных индивидов, правда, находящихся в состоянии перманентного страха взаимного истребления. Это расчётливое животное, лишённое всяких моральных рефлексов, становится для консерваторов не менее, чем для либералов, основанием и мерилом юриспруденции.

Для Конституции США государство является лишь средством лучшей защиты естественных прав человека. «Гражданин» был не более чем «юридическим лицом», средством, предназначенным для достижения этой цели. Однако гражданин как таковой – не более чем пустая организационно-правовая форма. Чтобы придать этому «защитнику» какое-то значение, легитимность, мужчин и женщин нужно было обучить, внушить и запрограммировать на безусловную лояльность государству, его законам и его «общей воле». Согласно республиканской философии, только государство могло и должно обеспечивать такое обучение. Но что это был бы за либерализм, который сместил роль

государства с защиты естественных прав на формирование умов людей? Идея о том, что теории и социальные организации являются человеческими конструкциями, которые поэтому должны подвергаться строгой критике, уступила место идее о том, что человеческие индивиды являются теоретическими или социальными конструкциями, не имеющими собственной реальности. В конце-концов философия – некогда искусство диалога в критическом поиске истины – превратилась в простой «монолог», банальное стремление ни к чему конкретному.

Отрицание естественного права имеет свои последствия. Если порядок человеческого мира не должен определяться естественными различиями в мире отдельных людей одного и того же вида, он должен определяться искусственными различиями, порожденными пристрастными идеологиями. Если порядок не должен определяться свободой и равенством, он должен определяться рабством или неравенством. Если правильные отношения «Я» к «Другому» не являются симметричными, взаимными и горизонтальными отношениями *ius* или отношениями Завета, они должны быть асимметричными, гегемонистскими и вертикальными отношениями командования и повиновения. Если межличностные отношения не должны основываться на уважении к другим, то есть на справедливости, то они будут основаны на неуважении и несправедливости. Естественный мир свободных и равных людей, преследующих свои естественные интересы, является саморазрушительным: среди конкурирующих людей ни один не может быть удовлетворён. Свобода одного человека – рабство следующего человека; естественное право человека на власть, осуществляемое одними, может поработить других. По-видимому, большинство уже отказалось от относительного субъективного объективизма, т. е. реальности личности, философии естественного права в пользу относительного к ситуации субъективизма, который превращает удовлетворение субъективного желания в один моральный абсолют. Также нельзя найти помощи в соглашениях о взаимном уважении, в договорах, обещающих самоограничение, или в обещающих повиновение пруденциальных правилах «просвещённого» личного интереса (19 «естественных законов» Гоббса в «Левиафане», главы XIV-XV). Без публичной власти и суверенного принуждения – без «меча» – все договора всего лишь слова, которые вообще не гарантируют никакой безопасности.

Субъективные права человека по сути провозглашаются новой религией нового божества – Человека, и становится возможным новый крестовый поход против неверных. Сегодняшняя политика говорит о естественных правах, и естественные права как аксиомы играют важную роль в идеологических спорах. Они доминируют в дебатах об

«фундаментальных ценностях» и «неотъемлемых правах». Они определяют конституционно-политические конфликты и научный дискурс относительно «кризисов легитимации». Трибуналы, международные конференции и декларации, касающиеся основных прав человека, следуют друг за другом. Вряд ли сегодня государство осмелится принять конституцию, не представив её в качестве истинного и неприкосновенного гаранта прав человека; Едва ли можно найти президента и премьер-министра, который время от времени не бичевал бы в пламенных речах нарушения основных прав в других странах, защищая при этом свою собственную практику. Естественный закон, во имя которого древние философы протестовали против социального неравенства и господства богатых, стал ничем иным как центральным идеологическим оружием в повседневной политической борьбе, который, как замечает Эрик Вольф, вызывает двойственные чувства, ««проблемное» ощущение чего-то, что не может быть определено, ускользает от каждой попытки однозначного определения, сопротивляется любой воле классификации» [11].

Однажды утвердившись в своей исключительной легитимности, идея прав имеет тенденцию становиться пустой формой в поисках своей материи, и всё, буквально всё может стать материей для этой формы. Любые и все аспекты человеческой жизни, от самых очевидных до самых сокровенных, отныне открыты для законных претензий. Бесконечно сложная и разнообразная архитектура жизни отдана на откуп безразличной к этой сложности идее естественных прав человека. Провозглашать права человека совершенно неопределённым и активно сопротивляющимся чёткому ограничению способом – значит предоставлять любому формальное разрешение требовать всё, что в человеческом мире он считает своим правом. И почему бы каждому не требовать своего права на все вещи, раз все вещи объявлены делом прав человека? Таким образом, *jus in omnia* Гоббса как причина естественного состояния человечества как войны всех против всех, которое не могло найти смысла в этом состоянии, где всё было ещё неопределённо, находит особенно обширный и беспокойный смысл в новом режиме прав, поскольку *jus omnium in omnia* (право всех на всё) переданы все определения, все качества, все аспекты реально существующего мира. Все конкретно-человеческие формы, идёт ли речь о нации, семье, университете или о каком-либо учреждении, защищающем и производящем определённое человеческое благо, подчиняются притязанию, которое не заботится о соразмерности или разумности, потому что оно получило неограниченную легитимность заранее. Для того чтобы придать хотя бы минимальное правдоподобие этой гипотезе или постулату

о человеке, определяемом как существо с правами, теоретики современных естественных прав должны были придавать большое значение некоторым чертам естественного состояния, понимаемом как *bellum omnium contra omnes*. В самом деле, в такой ситуации на практике было бы довольно сложно обвинить кого-либо в каком-либо совершенном им действии и тем самым оспорить его «право» поступать таким образом, поскольку он всегда мог более или менее правдоподобно сослаться на оправдание законности самообороны.

На знаменитую реплику Жозефа де Местра о том, хотя он встречал много людей в своей жизни – французов, итальянцев, русских и других – но никогда не встречал просто Человека («Конституция 1795 года, – писал он о Конституции Франции, – как и её предшественницы, была создана для человека. Но ничего подобного человеку в мире нет. За свою жизнь я повидал французов, итальянцев, русских и других; благодаря Монтескье я знаю также, что «можно быть персианином». Что же до человека, то я заявляю, что никогда в жизни его не встречал; ежели он и существует, то мне он остался неизвестен») [12], Майкл Игнатъефф с изрядной долей священного пафоса в духе Огюста Конта (Конт провозгласил «Человека» *un nouveau Dieu* – новым Богом [13] отвечает следующим образом: «Мы встретили Человека. Он – это мы. Права человека получают свою силу в нашей совести из чувства, что мы принадлежим к одному виду, и что мы узнаём себя в каждом человеке, которого встречаем».

Как считает Джон Роулз, права человека чрезвычайно важны в теории, потому что они ограничивают суверенитет государств в том, что они могут делать со своими народами [14]. Нарушение прав человека является единственным оправданием военного вмешательства, помимо самообороны, после того как дипломатические и экономические санкции оказались безуспешными. А что если какое-либо несчастное государство не взяло на себя в своём законодательстве обязательство по обеспечению провозглашённому Всеобщей декларацией прав человека права на надлежащий «медицинский уход» ввиду невероятной скудости ресурсов и весьма незначительной базы налогообложения? Любой человек должен чувствовать и знать, что так как «мы принадлежим к одному виду» убивать своего собрата по виду недопустимо, и действительно, за исключением членистоногих и рыб, представители млекопитающих (за исключением волков) этим не занимаются. И, тем не менее, после включения в скрижали Завета заповеди «Не убий!» количество убийств отнюдь не уменьшилось. По словам известного датского юриста Альфа Росса, «...текст Декларации в некоторых моментах является настоящим шедевром неискренности, включая

намеренно вводящие в заблуждение формулировки и плохо замаскированные лазейки для поспешного отступления» [15] и страдает от такого словоблудия, недостатка информации и искренности.

Возникает ряд простых вопросов, на которые теология субъективных естественных прав не дала и, возможно, не сможет дать ответы: если сама природа или природа человека изначально предзадана в структуре универсума и как закон стоит над всеми позитивными установлениями, то каково содержание этого так называемого закона? Если естественные права в универсуме господствуют абсолютно, то чем объяснить, как спрашивали гностики, очевидную несправедливость в мире? Проблемы теодицеи встают перед теорией субъективных естественных прав также неизбежно, как и перед «чистой» теологией. Майкл Перри один из многих, которые считают, что то, что личность человека «священна», является «важной, даже основополагающей» составляющей идеи прав человека, которая «неизбежно религиозна», даже если это, возможно, «создаёт проблему для светских энтузиастов прав человека» [16]. Мифическая и постоянно меняющаяся концепция эффективности присутствует повсюду; справедливость – когда-то определяющая характеристика экономических (в отличие от преступных или политических) действий – нигде не встречается, и далеко не ясно, можно ли рассматривать транснациональные корпорации как соответствующие требованиям подобного естественного права. Однако транснациональные корпорации и некоторые из наиболее важных финансовых институтов в современном мире представляют собой удобные средства для сокрытия того, что люди делают друг с другом, – для экстернализации издержек и использования общих ресурсов, созданных политическими институтами государств, не во благо этих институтов.

Миф как форма мышления вытекает из того, что человек всё далёкое, неизвестное и труднопонимаемое воспринимает по аналогии с близким, знакомым и понятным. Данное филогенетическое состояние, имеющее жизненно практическое и эмоциональное значение, совпадает с состоянием онтогенетическим: ребёнок воспринимает мир по аналогии со своими желаниями и действиями, своим опытом социальных связей и обращения с вещами. Именно эти представления, упрощённые, редуцированные, знакомые из близлежащего опыта, проецируются на внешний мир, универсум, вновь возвращаются к человеку в виде «божественного предначертания», абсолютной нормы и масштаба для всех действующих в обществе позитивных правил поведения. Таков, по мнению Эрнеста Топича, по своему происхождению первоначальный миф о естественном праве, созданный специально для нормативной сферы общественной жизни. [17] Но если изначально понятие «ес-

тественный» обозначало что-то первоначальное, исходное, подлинное, объективное, не являющееся делом рук человека, существующее само по себе и для себя или гармоническую целостность и ценность всего сущего, то позже оно используется для обозначения высшей самооценности самого человека, который сам, творящий самого себя, не может быть «естественным» никоим образом.

Насколько естественно право собственности, право владеть чем-либо? Для первоначального человеческого стада естественным было отсутствие собственности в её сегодняшнем индивидуальном смысле. Является ли естественным право человека на своё собственное тело, и свободен ли он себя убить, не причинив страданий любящим его, или обязан ли кто-либо другой не убивать его? Неестественно и право собственности, и неестественны все другие права, приписываемые человеку. Ни у одного человека нет естественной обязанности не посягать на чужую собственность, не отнимать чьей-то жизни или не наносить увечий кому-то, и это понимание быстро приходит к фанату «Челси», находящемуся исключительно в окружении нетрезвых фанатов «Арсенала». Эти обязанности могут быть только неестественными, навязанными религией или государством, и говорить о естественных религии или государстве будет признаком полнейшего бреда.

Все права, в том числе и право собственности, есть только возможности, вероятности, которые могут быть реализованы только в том случае, если тебе это позволят сделать другие; они все пребывают в потенции, и поэтому все права человека как зависящие от действий других людей не могут быть признаны врождёнными и естественными и замкнутыми исключительно на их носителе. Ты владеешь чем-то, пока другие позволяют тебе этим владеть и, возможно, твоё личное естественное состояние – это не иметь собственности вовсе, не выражать своего мнения, вечно находится в замкнутом пространстве, но в этом случае ты становишься не вполне человеком. И это верно, и степень твоей человечности зависит от отношения к тебе других, от их разрешения быть человеком, и иных правил, кроме признаваемых ими для себя обязательными для следования, попросту не существует, и без них, и даже с ними вся жизнь людей есть стремление обрести контроль друг над другом, по возможности тотальный и неограниченный во времени.

Помимо договора любое юридическое право самопроизвольно возникает только из деликта (*delictum privatum* или *delictum publicum*), да и то если это предусмотрено в законе государства; абстрактных самозарождающихся и самовозникающих прав без корреспондирующих им обязательств других, не связанных с гарантированным властью,

над которой у отдельного человека нет власти, возмещением ущерба или угрозы нанесения ущерба, не существует. Каждому, принявшему на себя юридическое обязательство, всегда предстоит лицо заинтересованное, обладающее правом требования, правомочное лицо. Термин «право» применительно к человеку обозначается на азербайджанском языке двумя понятиями: haqq и hügug. Последнее понятие не означает «права» с корреспондирующей ей чьей-то обязанностью, но haqq – это право, на

Сегодняшнее понятие неотчуждаемых природных прав человека в свете Декларации ООН 1948 г. наполняется смыслом лишь после признания за ним статуса полностью самостоятельной и автономной сущности, способной предъявлять права всем, кому это возможно, и человеку мучительно трудно признать, что единственное право, которым он обладает в отношении себе подобных, состоит не в требовании чего-то, что другие обязаны сделать, ибо любому праву корреспондируется соответствующее обязательство, а в праве попросить о содействии, что, согласиться, разные вещи, и вся философия монотеизма, как мы видели, строится на этом – а именно на эмоциональных милосердии и сострадании, а не на brutальном требовании чего-то; человек обязан сострадать и сопереживать, что к правам человека не имеет никакого отношения (право требовать сострадания?).

Смысл приписывания «естественных» прав людям состоит в том, чтобы приписать им своего рода «суверенитет» над их моральным миром. Активные естественные права должны быть независимыми от законов, поскольку в противном случае у людей не было бы выбора для их осуществления, поскольку люди были бы обязаны делать это по закону. Таким образом, права основаны не только на факте индивидуального владения (что было определяющей чертой субъективного права), но и на более требовательном условии основополагающего верховенства: в этой модели права стоят на первом месте, а отношения между правами и законами являются перевернутыми. Законы действительно постольку, поскольку соответствуют этим правам. Современные теоретики прав человека перестали основывать свои теории прав на концепциях всеобщей справедливости, но выводили права из умозрительно приписываемых качеств личности. Субъективное моральное право у кого-то возникает после того, как другой чувствует перед ним свою моральную обязанность по совершению определённых действий, и ни один закон ни одного парламента мира, в отличие от деликта, не может регламентировать сферу, именуемую совестью человека, заставив её испытывать угрызения без угрозы наказания. Мораль – *ab agenti* – лишает права, а право – *ad alteram* – управомочивает другое лицо.

Беспомощный человеческий детёныш, появившись на свет, не привносит в это мир с собой никаких врождённых прав, и он защищён лишь благодаря моральным обязательствам перед ним родивших его, от которых порой родители и отказываются. Ведь любые обязательства предшествуют правам, и без обязательства государства предоставить социальное жильё нет никакого права на это жильё.

Отказ от естественного права трагичен как капитуляция перед ограниченностью и конечностью всего человеческого, ибо человек отказывается от вневременных идеалов, которые составляли основу смысла его жизни. Политики США и Великобритании в своё время возглавили режим военных и экономических санкций против Ирака для сдерживания «угрозы» Саддама Хусейна. Когда по американскому телевидению ведущий спросил Госсекретаря США Мадлен Олбрайт о том, что была ли смерть полумиллиона иракских детей в результате санкций оправданной, она ответила: «Я думаю, что это очень сложный выбор, но мы считаем, что цена того стоит» [18]. В зависимости от того, как мы используем слова, мы постепенно меняем и то, как мы думаем, и, в конце концов, мы также меняем реальность. Здесь вполне уместен вопрос в духе Платона: «Был ли Ирак таким, каким был, потому что Саддам был таким, каким был, или Саддам был таким, каким был, потому что Ирак был таким, каким был?». В 2001 г. исполнительный директор представительства Всемирной организации здравоохранения ЕС подтвердил катастрофичность ситуации, добавив, что «около 800 000 детей в возрасте до 5 лет хронически недоедают» [19]. Подобный чудовищный ответ возможен, и образ Божий был разрушен внутри человечества, оставляя человечество без абсолютной гармонии мироздания, которая не воплотима ни в какой политической программе. Человек в скорбной тирании своего бытия не в состоянии вынести ни абсолютного добра, ни абсолютной истины так же, как и не может создать жизнь, а может лишь отнять её, но иррациональнейшим образом он стремится к бесконечному и абсолютному в жажде познать всю правду жизни и смерти как истину мира, которая вряд ли будет когда-либо доступна простому смертному. Но даже не посещая синагогу, церковь или мечеть, не читая Тору, Евангелие или Коран, человек в этом своём стремлении не может не вести себя по отношению к себе подобному определённым и однородным в любых культурах образом.

Во всех культурах трупы умерших отличают от обычных отходов, с ними прощаются и проводят обряды захоронения, и человек имеет объективное право быть захороненным. Триадные разрешения споров как альтернатива силовому доминированию существуют практически во всех человеческих сообществах, в разнообразии форм, ко-

торые могут быть выстроены по спектру, и человек имеет объективное право быть выслушанным. На одном полюсе континуума находится посредничество, которое исходит из обоюдного согласия спорящих сторон. Посредник стремится помочь спорящим решить свой конфликт, но он не может навязывать решения против воли одной из сторон. На другом полюсе находится решение, которое является обязательным, по крайней мере, для одного из спорщиков, и выносится на основе юрисдикции. В судебном разрешении конфликта судья имеет право принимать обязывающее для сторон решение. Это подразумевает привлечение 1) независимого судьи, незаинтересованного в исходе спора, 2) использующего существовавшие ранее правовые нормы, 3) в состязательном процессе в целях достижения, 4) дихотомического решения, в котором одна из сторон, получает своё законное право, а другой в праве отказывается. Триада, однако, содержит нестабильность, парадокс или диалектику, которая составляет значительную долю из научных споров о природе судов. Когда две спорящие стороны обращаются к третьей, мгновение спустя, когда третий постановляет в пользу одного из двух спорящих, в структуре триады происходит сдвиг, и структура триады воспринимается проигравшим как двое против одного. Обнажается грубый факт доминирующего большинства, которое право, и меньшинства, которое неправо. Значительная часть общего поведения судов во всех обществах могут быть проанализированы с точки зрения попытки процессуально предотвратить разрушение триады в противопоставлении большинства меньшинству.

Плотин, последний из величайших умов античности, за тысячу лет до Аквината говорит, что побуждаемое «естественной необходимостью», к Благу устремляется всё. Существует почти бесконечное множество разнообразий, но за кажущимся бесконечным разнообразием культурных моделей скрывается фундаментальное единообразие. Этого как раз и следовало ожидать: во-первых, потому что все общества состоят из членов одного и того же вида; во-вторых, потому что каждая культура должна обеспечивать одни и те же основные физиологические и психологические потребности людей; и, наконец, потому что организация, функционирование и сохранение обществ сопряжено с одними и теми же основными проблемами во всем мире: дети должны воспроизводиться и воспитываться, должна быть создана какая-то жизнеспособная экономическая система и должен быть реализован некий план для общего блага. Есть много способов сделать такие вещи, но все они должны быть выполнены, и фактический диапазон вариаций кажется строго ограниченным.

Оценивая антропологические данные, профессор Оксфордского и

Кембриджского университетов Чарльз Льюис писал: «Если человек пойдёт в библиотеку и проведёт несколько дней с энциклопедиями по религии и этике, он скоро обнаружит массу единодушия в практическом разуме человека. В вавилонских гимнах, Законах Ману, Книге Мёртвых, литературных сборниках стоиков и платонистов, мифах австралийских аборигенов... он будет открывать для себя монотонное поношение угнетения, убийства, предательства и лжи, превозношение доброты к престарелым и слабым, необходимость милости, беспристрастности и честности. Он может быть немного удивлён (я, конечно, был), что заповеди милосердия встречаются чаще, чем заповеди справедливости, но он больше не будет сомневаться в том, что есть такая вещь, как закон Природы» [20]. Человек имеет объективное право требовать от собеседника правды, ибо язык дан человеку во всех культурах для выражения мыслей, а не для их сокрытия. Могут ли перечисленные выше особенности поведения, существующие во всех культурах, быть объяснены исключительно монотеизмом, рациональностью или результатом естественного отбора? Почему древний человек хоронил своих умерших, или использовал иные погребальные обряды, отличая трупы людей от иного мусора? Почему родные не вернувшегося из штормового моря скорбят, так как нет тела для предания земле? Почему человек, веря в бессмертие своей души, знал, что без погребения нет и воскресения? Мы не можем чисто умозрительно уменьшить бесчеловечность человека по отношению к человеку. При отсутствии естественного закона мы можем стать множеством Каинов, и рука каждого человека может быть поднята на другого. Приемлем ли поспешный вывод войск американцев из Афганистана в августе 2021 г., когда продолжением своих жизней тысячи честно работавших на США афганцев стали обязаны усмотрению их врагов, членов движения «Талибан»? В конце концов права человека вырвались из своего давнишнего подчинения объективным моральным ограничениям естественного права и сами стали морально основополагающими, первичной и основной моральной чертой человечества, учение о правах стало, конечно, законченным, и окончательно сформировалась новая модальность этического мышления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ Вера в то, что нравственная жизнь состоит в преследовании определённых целей, поставленных человеческой природой, была дискредитирована многочисленными факторами модерна, в том числе упадком аристотелевской науки, которая представила метафизическую схему природы, цели и желания, на которой это моральное видение покоилось; растущее влияние школ, расходящихся с ари-

стотелизмом; и последствия великих социальных и политических потрясений того времени. На теоретическом уровне человеческая природа стала рассматриваться как слишком неопределённая и случайная, чтобы служить основой морали, и без каких-либо оснований в человеческой природе кажется бесполезным искать общую мораль в кажущемся бесконечным разнообразии человеческих желаний. В отсутствие концепции человеческой природы, которая бы упорядочивала эти желания, разнообразие концепций человеческого завершения неизбежно, и поэтому моральные разногласия по поводу любого блага как цели не могут быть рационально разрешены. Между тем, на практическом уровне кровавые конфликты, сопровождавшие попытки навязать концепции блага силой, заставили людей искать моральную основу для общества, которая не опиралась бы на какие-либо такие концепции. Результатом всех этих процессов стало то, что основные моральные принципы, обеспечивающие единство общества и обеспечивающие основы политического строя, теперь должны были быть сформулированы независимо от концепций блага. Задача теперь состояла в том, чтобы ответить на вопрос: как понимать социальное единство, учитывая, что не может быть общественного согласия по поводу одного рационального блага и необходимо принять множество противоположных и несоизмеримых концепций как данность?

Для граждан либеральных демократий моральное несогласие ставит серьёзный вопрос: как могут люди, которые так глубоко не согласны по стольким моральным вопросам, сформировать политическое общество на иных основаниях, чем принуждение? Трудно представить, как возможен стабильный и справедливый общественный порядок без определённого согласия по таким фундаментальным вопросам, как достоинство человеческой жизни, порядок супружеских и семейных отношений и основные правила экономической деятельности. В отсутствие морального согласия эти вопросы, как кажется, должны решаться на чисто политических основаниях: либо постановлением государства, либо властью большинства, либо влиянием групп интересов. Первый вариант противоречит самой идее либеральной демократии, исключаящую любую подобную роль государства. Что касается второго варианта, когда такая власть или влияние осуществляется большинством или группами интересов помимо общественного согласия, это обычно указывает на коррупцию либеральной демократии. По этим причинам либералы от Джона Локка до Джона Роулза считали, что либеральный политический порядок зависит от широкого консенсуса, поддерживающего моральные принципы, лежащие в основе основных социальных и политических институтов.

Однако, моральная основа современной либеральной демократии парадоксальна (если только это можно назвать моралью): большинство эгалитарных либералов считают, что люди имеют лишь фундаментальный интерес в автономии, стандартно понимаемой как способность к формулированию собственной концепции блага и защиту их государством от вмешательства в их личную жизнь. Они также утверждают, что автономия порождает другие интересы, такие как свобода слова и собраний, и что эти интересы достаточно важны, чтобы быть защищены правом именно потому, что они должны способствовать тому, чтобы люди оставались автономными, и что интерес в автономии людей должен быть защищён в равной степени. Большинство из них утверждают, что только эти права должны быть конституционализированы, то есть они должны быть закреплены в конституции, подлежать строгой процедуре изменения и защищены судебной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shepard, M.A., William of Occam and the Higher Law, *American Political Science Review*, Vol. 26, 1932, pp. 1005-1023
2. Weber, M, *Economy and Society*, Berkeley: University of California Press Hittinger, R., 2003, *The First Grace: Rediscovering the Natural Law in a Post-Christian World*, Wilmington: ISI Books, 1978
3. Posner, R.A., *Economic Analysis of Law*, N.Y.: Aspen Law and Business, 1998
4. Sigmund, P.E., *Natural Law in Political Thought*, Cambridge: Winthrop Publishers, 1971
5. Locke, J., *Essays on the Law of Nature*, London: Oxford University Press, 1954
6. Locke, J., *Two Treatises of Government*, Cambridge: Cambridge University Press, 1988
7. Hume, D., *A Treatise on Human Nature*, (Ed. L.A.Selby-Bigge), Oxford: Oxford University Press, 1978
8. Hume, D., *An Enquiry Concerning the Principles of Morals*, Oxford: Oxford University Press, 1998
9. Lawson, E., *Encyclopedia of Human Rights*, Abingdon: Taylor and Francis, 1996
10. Ignatieff, M., *The Rights Revolution*, Toronto: House of Anansi Press, 2007
11. Wolf, E., *Das Problem der Naturrechtslehre*, Karlsruhe: C. F. Müller, 1964
12. Maistre, J. de, *Oeuvres complètes*, Vol. I, Lyon: Vitte et Perrussel, 1884
13. Comte, A., *Plan of the Scientific Operations Necessary for Reorganizing Society*, in *Auguste Comte, A., Comte and Positivism: The essential writings*, (Ed. Lenzer, G.), N.Y.: Harper and Row, 1975
14. Rawls, J., *The Law of Peoples*, Cambridge: Harvard University Press, 1999
15. Ross, A., 1963, *De Forenede nationer – Fred og Fremskridt*, Copenhagen: Nyt Nordisk Forlag og Arnold Busck, 1963
16. Perry, M.J., *The Idea of Human Rights, Four Inquiries*, Oxford: Oxford University Press, 1998
17. Topitsch, E., *Sozialphilosophie zwischen Ideologie und Wissenschaft*, Berlin: Luchterhand, 1966
18. Pilger, J., *Iraq: Paying the price* » NYpress, 2000

19. Kreisel, W., WHO, Health Situation in Iraq, February 26, Brussels, 2001.
20. Lewis, C. S., The Abolition of Man, New York: Macmillan, 1947
21. Lewis, C. S., Poison of Subjectivism. Christian Reflections, Grand Rapids: William B. Eerdmans, 1995

TƏBİİ HÜQUQUN İNSAN HÜQUQLARINA AZALMASI

L.Ş. ƏLİYEVƏ

XÜLASƏ

Bu məqalə təbii hüquq nəzəriyyəsinin əsas məsələlərindən bəhs edir. Təbii hüquq insan təbiətinə və kainata xas olduğuna inanılan əxlaqi prinsiplər toplusuna aiddir. Bu prinsiplər universal hesab olunur və mədəniyyətindən, dinindən və milli mənsubiyyətindən asılı olmayaraq bütün insanlara şamil edilir. Təbii hüququn qədim Yunanıstana qədər uzanan uzun və zəngin tarixi var. Təbii hüquq haqqında esselər bu anlayışın zamanla necə inkişaf etdiyini, müxtəlif mədəniyyətlərdəki mənasını və dövrümüzdə aktuallığını araşdırmağa və anlamağa kömək edir. Təbii hüquq fəlsəfənin əsas anlayışıdır. Bu məqalə təbii hüququn fəlsəfi əsaslarını, onun digər fəlsəfi anlayışlarla əlaqəsini və müasir fəlsəfi diskursa necə təsir etdiyini araşdırır.

Açar sözlər: təbii hüquq, pozitiv hüquq, hüquq, qanunun aliliyi, insan təbiəti, əxlaq, ədalət, təbii qanun, ilahi qanun

REDUCTION OF NATURAL LAW TO HUMAN RIGHTS

L.Sh.ALIYEVA

SUMMARY

This article discusses the main issues of the theory of natural law. Natural law refers to a set of moral principles believed to be inherent in human nature and the universe. These principles are considered universal and apply to all people regardless of their culture, religion or nationality. Natural law has a long and rich history dating back to Ancient Greece. Essays on natural law help to explore and understand how this concept has developed over time, its meaning in different cultures, and its relevance in our time. Natural law is a fundamental concept of philosophy. This article explores the philosophical foundations of natural law, its relationship with other philosophical concepts and how it affects modern philosophical discourse.

Keywords: natural law, positive law, law, rule of law, human nature, morality, justice, natural law, divine law